

долговечный — из свежей петрушки, так и наши друзья из Стултона сражались не за кошелек, набитый золотыми гинейми, как на холме Доувера, а за столь малоценный предмет, как новая шляпа с желтой лентой. Они бились за славу, а не за богатство, и немало доблестных палочных бойцов сходились на тот перекресток попытать счастья получить знаменитую стултонскую шляпу.

Очень трудно получить какую-либо надежную информацию о том, как проходили подобные игры. Очевидно, никаких записей на них не велось, и полагаться приходится исключительно на легенды и байки деревенских стариков, которых уже почти не осталось. Задача наша была бы совершенно невыполнимой, если бы не бесценная помощь преподобного Гамильтона Кингсфорда, vicария Стултона, который за тридцать три года собрал огромное количество интересных подробностей из уст пожилых прихожан.

Праздник проводился на Вознесение (чтобы не пересекаться со «встречами Доувера») на площади возле перекрестка в Стултоне, где в ту пору находился удобный кабачок. У стултонцев имелся признанный авторитет, чьи функции были схожи с функциями «третьейского судьи» Пертона. Его называли «праздничным задирой». Это был ни в коем случае не тиран всей деревни; напротив, это был большой, дородный, шумный детина, которому по всеобщему согласию вручались бразды правления праздником. Среди этих «задир» особую известность имел некий Перри, созывавший публику к началу представления своим громким, издали слышным голосом. Вот что он выкрикивал:

— Внимание! Внимание! Внимание! Слушайте все — на стултонском празднике разыгрывается добрая плетеная шляпа! По три человека с каждой стороны, до двух побед! И только честная игра до дюйма крови! Нет боя — нет шляпы!

Правила боя, следование которым считалось «честным», были в каждой местности свои — так, запрещались удары ногами, удары палкой по лицу (вместо головы), удары ниже пояса, высвобождение левой руки или победа по тайной договоренности.

Подготовка к турниру в Стултоне носила более примитивный характер, чем в Пертоне. Никаких сцен не строили, просто образовывали ринг на площадке перед кабаком, где проходили борцовские и палочные бои. На этом этапе снова прибегали к услугам «задирь» для того, чтобы «выбить ринг». На провозглашенный «задирой» призыв собиралась огромная толпа, и Перри брал свой кожаный ремень и принимался расчищать пространство для бойцов, размахивая пряжкой направо и налево, отчего все спешили разбежаться, и вскоре образовывался достаточно большой круг посреди толпы. После того как «ринг выбит», один из желающих сразиться бросает в него свою шляпу; второй боец принимает вызов, делая то же самое, и оба вступают в круг. Раздевшись до рубашек, они принимаются за дело и отчаянно рубятся «чуть ли не до смерти», рубашки их обвисают клочьями лохмотьев, о коже под ними и говорить нечего — но все это не считается, пока не нанесено достаточно сильное рассечение, чтобы вызвать вышеупомянутый «дюйм крови». Когда бой заканчивается, начинается следующий. Если и в следующем бою побеждает представитель той же стороны, что и в предыдущем, судьба турнира решена. Если же счет после второго боя становится равным, то требуется провести третий, чтобы решить, кому же достанется шляпа.

Какое чувство возбуждения возникает, когда удастся встретиться не просто с перечислением свершенных деяний, а с непосредственными их участниками! В этом неоценимую помощь оказал нам мистер Кингсфорд, среди чьих скромных стултонских друзей был один старый-старый человек по имени Джордж Мерримен, который и рассказал нашему другу множество любопытных историй, произошедших на стултонском празднике в последние годы его существования. Один из последних палочных турниров прошел в конце сороковых и был одним из наиболее отчаянных. Управляющий лорда Кавентри по имени Джеймс Грейвс и некто по имени Пратт, по словам старика Джорджа, «сошлись за работой. Пратт был настоящим бульдогом и прямо не чувствовал собственных ран». Они долго и безрезультатно дрались, пока, наконец, двое братьев Грейвса, наблюдавших за зрелищем, не крикнули своему брату: